

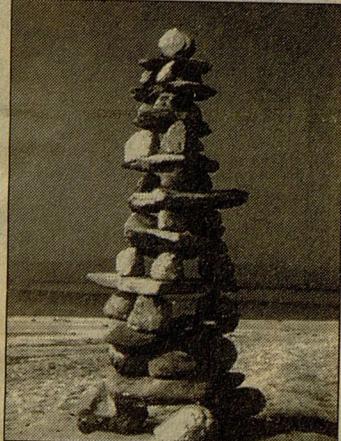
Данилов

Александр

14.04.99

Прорыв

Выставка "Аргази. Знаки шумвегратрав" (так!)
А.Данилова в Челябинске

Художественная жизнь нашего полутретиарного мегаполиса оставляет двоякое впечатление: с одной стороны, лихорадочная какая-то активность, с другой — непреходящее ощущение "дежа вю": Есть, конечно, на Южном Урале мастера и молодежь, традиционалисты и умеренный авангард. Но чаще всего это именно "домашние радости". Видно, нет пока что в Челябинске своей особой логики развития, порождающей явления самобытные и в тоже время конкурентоспособные.

И вот — большая выставка Александра Данилова. Ее в городе ждали давно. После успеха в Екатеринбурге, небольшой экспозиции авторских книжек в публичной библиотеке, стало очевидным явление Мастера, адекватного своему времени. Около двух сотен работ заняли второй этаж самого большого в регионе выставочного зала. Художник выставил живопись, графику, большие рисунки на рисовой бумаге (их можно смотреть с обеих сторон), видео по мотивам художнических медитаций, разложил под стеклянными колпаками хрупкие экземпляры авторских книг.

Наконец-то земля южноуральская, место особое и странное, обрела своего метафизика. Именно ему одному, кажется, и удалось выразить суть нашей "ямы" ("Челябия" — по-башкирски есть "яма") — этой плотной какофонии, окрашенной в разные блеклые полутона пустоты, где время от времени встречаются сгустки одухотворенной материи.

Как известно, метафизика чурается прямоговорения. Выбалтывание тайн и секретов приводит к пародийности. Необходимо найти соответствующую городу и миру некую универсальную метафору поиска. Девиз Данилова — "вперед — к простоте", позволяющий расчленять реальность на мельчайшие атомы и частицы. Расклад не равен распаду: вслед за деконструкцией следует синтез, обогащенный суммой знаний, накопленных мудрым человечеством. Один художник-шестидесятник сказал на вернисаже, что, мол, все это мы уже видели. Верно — в некоторых своих работах (их немного) Данилов ненавязчиво цитирует узнаваемые манеры. Так, жирные виноградины миров и материй, висящие в безвоздушном пространстве холстов, отсылают к опыту Миро и Клее. Некоторые из Данилова вешают вниз головой, как Базелиц. Или расплескивают эротическую энер-

гию обнаженной натуры искрами фейерверков а-ля Зверев. Опыт предшественников важен ему для поднятия собственного "уровня моря". Ограничения, которые диктуются как figurativностью, так и абстракцией, преодолеваются, сообщая процессу (и результату) новое качество. Это действительно большой шаг вперед. Особенно для уральского искусства, косного и часто маловыразительного.

А.Данилов очень уральский художник еще и потому, что именно здесь сходятся пути восточной и западной традиций. Его насыщенные то безмятежным покоем, то предельным духовным напряжением территории транслируют не сюжеты, но состояния. Нет в них того, что называется литературой, литературницей. Иероглифы покоя, схемы страсти, пульсирующие плоскости, узоры и арабески неправильных форм... Архаические орнаменты, найденные в степях, отзываются в его оптических композициях; угловатая пластика каменных баб с Аркаима — в кроваво-песчаных картонах с гигантскими, в два человеческих роста телами. Евразия, но не внешняя, поверхностная, а нутряная, подсознательная.

Притом ничего надуманного, придуманного. Александр Данилов вдохновляется только "натуральными продуктами". Все, что он делает, оставляет ощущение какого-то природного, едва ли не органического происхождения. Скромные красоты уральских пейзажей и незатейливой жизни здешней Данилов изображает как явление самое что ни на есть светлое и гармоническое. Отдельные приметы и тона безраздной среды нашей он смешивает в иных пропорциях — и точно отмытый от зрячих наслоений мир обнажает бухенвальдские ребра эйдосов. И они, ей-ей, оказываются самого оптимистического свойства.

Истинное явление культуры, выставка Данилова оказывается событием одновременно для множества каких-то автономных сфер. Подобные прорывы часто не случаются. Тем ценнее обнаружить его именно сейчас — в погодное и социальное межсезонье. И вот чистая радость эстетического характера вдруг приносит самую что ни на есть общественно-политическую пользу: выходишь с выставки с гордостью за своеобразие солнного своего края. Это с виду он кажется медлительным и неповоротливым. На самом деле все процессы развиваются здесь — на большой глубине. Как и показал Данилов, под невозмутимой толщей обыденного и повседневного бурлят, изредка прорываясь наружу, нешуточные метафизические страсти. Аргази — тихое озеро, коих на Урале множество. Блики его вод, эхо подводных течений гулко отражаются в зеркалах работ. Для Данилова Аргази — истинный источник вдохновения, почти Муза. Хотя почему почти? Объекты, которые время от времени он соружает на спокойных его берегах, полны чувственной энергии. Это и есть проявление патриотизма: спокойного, просвещенного, уверенного в своей правоте.

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ

396